

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.2.3>

UDC 94 «13/15»:341.321.3
LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 28.12.2015
Accepted: 25.03.2016

**PRONOIA IN THE MILITARY ORGANIZATION
OF THE BYZANTINE EMPIRE AT EARLY PALAEOLOGIAN PERIOD**
*Part 2*¹

Vladimir A. Zolotovskiy

Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law,
Volgograd Institute of Business
vazol_rabota@mail.ru
Kachintsev St., 63, 400010 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In the present study the author disclosed the role of pronioia in the military organization of the Byzantine Empire at early Palaeologian period. The concrete cases of the award allow recognizing the proniarety as the Byzantine military institution dealing exclusively with the military leadership.

The grant of pronioia was a replacement for traditional rewards of military commanders of noble origin. However, in some cases it was identified that compulsory military service was a function of power which was granted to the proniares in addition to the tax quota.

Holders of pronioia were not only the Romans military commanders but also the mercenaries. Such awards could reduce the costs of imperial treasury for direct payments.

In the case of proniares-Byzantines, depending on posotis, we can talk about the conferring upon pronioia the representatives of various levels of the military leadership. The pronioias granted as a reward or the compensation for losses incurred as a result of the performance of official engagements, could be transferred to the commanders of low levels which were recruited from among stratiotes (obviously, dekarhes).

Definition of the role of pronioia in military practice of the early palaeologian period which would be possible in the identification of the proportion of pronioiares and strateia contingents and the correlation of victories and defeats, won by them, is impossible in practice.

Key words: history of byzantium, early palaeologian period, military organization, armed forces, pronioia, strateia.

УДК 94 «13/15»:341.321.3
ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 28.12.2015
Дата принятия статьи: 25.03.2016

**ПРОНИА В ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВИЗАНТИИ
РАННЕПАЛЕОЛОГОВСКОГО ВРЕМЕНИ**
*Часть 2*¹

Владимир Алексеевич Золотовский

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,

Волгоградский институт бизнеса
vazol_rabota@mail.ru
ул. Качинцев, 63, 400010 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В рамках исследования раскрыта роль пронии в военной организации раннепалеологовского периода Византии. Конкретные случаи пожалования позволяют признать прониарство в Византии институтом военно-политического характера, предназначенным для обеспечения организационной структуры командования. Преимущественно наделение прониями служило заменой традиционного вознаграждения военачальников знатного происхождения. Держателями проний являлись не только ромеи-военачальники, но и наемники. Подобные пожалования позволяли сократить расходы императорской казны по прямым денежным выплатам. Раннепалеологовские пронии, жалуемые для восполнения убытков, понесенных в результате исполнения обязательств, а также в качестве формы вознаграждения за службу, предоставлялись низшему командному составу, сформированному из числа стратиотов.

Ключевые слова: история Византии, раннепалеологовский период, военная организация, вооруженные силы, прония, стратиоты.

Очевидно, стремясь увеличить поступление в казну регулярных податей и налогов, с целью восполнения военных расходов, возросших после возвращения столицы, осенью 1261 г. василевс провел фискализацию участков акритов, переведя их в особый стратиотский статус. Сообщая об этих событиях, Георгий Пахимер подчеркивает, что в то время, когда Византия «несла тяготы», Ходину² был пожалован титул эпарха за совет, данный василевсу. Император, приняв предложение, направил эпарха в Анатолию для реализации задуманных мероприятий. Прибыв к месту назначения, Ходин переписал имущество жителей и сформировал войско [20, t. I, p. 31–33].

Полагаем, что в рамках мероприятий Ходина акритские отряды были укомплектованы крестьянами, получавшими доход с земельных участков, переданных им для возделывания на условии несения воинской службы³. В этой связи необходимо подчеркнуть, что участки земли, обрабатываемые акритами, находились в статусе «ἀτελείαις» [20, t. I, p. 29²⁴, 31¹⁶], то есть свободных от налогового бремени. Очевидно, что подчеркнутый Пахимером статус акритских участков выражал сущность привилегии пограничников и может быть признан как классифицирующий социальный признак.

По сообщению Пахимера, земельные участки акритов после переписи были внесены в кадастр казенных земель [20, t. I, p. 33^{6–9}]. В этой связи можно предположить, что перевод земель из состояния «неизвестных казне» в казенные, обложенные налогами, опре-

делил перевод держателей участков из акритов-элефтеров в крестьян⁴. Кроме того, как сообщает Пахимер, после фискализации часть поступавших с земель денег передавалась в качестве жалования наиболее знатным акритами, а оставшаяся поступала в имперскую казну [20, t. I, p. 33^{6–9}].

Считаем необходимым подчеркнуть, что высказанные В.А. Сметаниным [4, с. 117, 122] и М. Бартусисом [10, p. 55–56] предположения о ликвидации формирований пограничников с переводом их в статус париков и организации «альтернативных» отрядов из прониаров прямо противоречат данным источников. Вполне очевидно, что внесение земель пограничников в имперский кадастр не означает обязательного перехода акритов-держателей в парическое состояние. Вместе с тем подчеркнутое внимание Георгия Пахимера к налогам [20, t. I, p. 29^{24–25}, 31¹⁶] явно свидетельствует о переводе пограничников-элефтеров в статус свободных крестьян.

Перешедшие в стратиотское состояние акриты несли службу в течение того времени, пока им платили «определенное» жалование [20, t. I, p. 31¹⁶, 33²⁰, 33²⁵]⁵. Каким было это жалование и в какие сроки оно выдавалось, неизвестно. Однако в сообщении Пахимера о годовой руге пограничников указано, что она выдалась в «сроки, определенные традицией» (καίροῖς ὠρισμένοις κατὰ τὸ σύνηθες) [20, t. I, p. 33²⁵]. Опираясь на это сообщение, можно предположить лишь, что выплаты выделялись пограничникам один раз в году, в те же сроки, что и традиционная

византийская руга придворных служителей и воинов [22, p. 311, comm.]. Кроме того, очевидно, что упомянутое материальное содержание составляло существенную часть дохода пограничников. Согласно данным Пахимера, система пограничной службы была разрушена после того, как полководцы перестали выдавать жалованье акритским отрядам [20, t. I, p. 35²⁻¹³] ⁶.

Полагаем, что выявленные свидетельства современников о действиях крестьян-пограничников, а также о руге как одной из основных форм материального обеспечения воинов-пограничников, позволяют предположить, что в результате проведенной реформы акриты-элефтеры перешли в статус стратиотов. Кроме того, представляется очевидным, что пореформенные акриты-стратиоты в боевом применении составляли ударную силу отрядов местных пехотинцев. В этой связи следует отметить, что, согласно Пахимеру, обороноспособность восточных рубежей империи сохранялась до тех пор, пока акриты («не имевшие имущества») получали ругу. Однако в результате частых задержек «архонтами выплат пограничникам» многие из акритов ушли [20, t. I, p. 33¹⁹⁻²⁷, 35¹⁻⁹] ⁷.

Очевидно, позднее изменение правового статуса земель пограничников было продолжено. Опираясь на данные Пахимера, можно предположить, что действовавший от имени василевса эпарх пожаловал пронии архонтам (вождям, представителям знати) акритов. В частности, как сообщает историк, Ходин не только внес земельные участки в каталоги, но и принял на воинскую службу наиболее знатных и определил им жалованье в размере 40 перперов [20, t. I, p. 33⁷].

Выявленное приоритетное значение руги позволяет предположить, что пожалования с посотисом в размере 40 перперов, определялись не рядовым акритам, а командному составу формирований пограничников. По сообщению Пахимера, выплаты в сорок перперов предписывалось производить из налоговых соборов, полученных с внесенных в каталоги земель [20, t. I, p. 33⁶⁻⁹]. Таким образом, становится очевидным, что историк описал создание проний, в которые вошли земельные участки, принадлежавшие пограничникам-стратиотам [20, t. I, p. 33⁶⁻⁷] ⁸.

Поскольку источники не сообщают о материальной обязанности прониаров из числа пограничников, полагаем, что условием прониарства была не только воинская служба. Вполне очевидно, что архонты-прониары выполняли военно-административные функции, контролируя формирование и управление отрядами пограничников-стратиотов, земли которых составляли экономическую основу пожалованных проний.

Полагаем, что описанные преобразования имеют традиционную природу. В многовековой истории имперской политики сложилось обыкновение использовать местную социальную специфику на захваченных или отвоеванных территориях: василевсы назначали на руководящие посты в новоприобретенных или возвращенных землях представителей местной знати, вводили их посредством жалования титула в структуру византийской чиновной иерархии или воинской знати. Очевидно, что в раскрываемой реформе пограничной службы в качестве инструмента интеграции в общественно-политическую систему и сохранения верности вождям акритов империи было использовано пожалование проний.

После реформы войсками Иоанна Палеолога с целью установления порядка на границе (в связи с участвовавшими вылазками турецких отрядов) были организованы две военные кампании в восточных владениях империи. Очевидным фактором, повлиявшим на ослабление обороноспособности Византии в приграничной зоне, было приведение акритов в прикрепленное к земле состояние, требовавшее значительно большей, чем ранее, занятости в хозяйственной деятельности и приведшее к потере мобильности. Кроме того, безопасность на востоке была подорвана переходом отдельных групп пограничников на службу к противнику [20, t. I, p. 35⁷⁻⁹]. Вероятно, измены акритов также стали следствием усложнения их хозяйственной жизни и общей потери заинтересованности в пограничной службе. В качестве примера следует упомянуть о мятеже вифинских акритов, подробно описанном Пахимером.

Как сообщает историк, акриты организовали выступление под предлогом «восстановления» власти законного императора Иоанна IV Ласкаря [20, t. I, p. 259²⁴⁻²⁵-261¹⁻⁷]. Пос-

ле продолжительных столкновений с прибывшей имперской армией восстание было подавлено традиционным для византийской военной практики подкупом предводителей неприятельских войск [20, t. I, p. 265⁹⁻¹⁰]. После подавления мятежа часть восставших пограничников, согласившихся на материальное вознаграждение, осталась в Византии, остальные были подвергнуты наказанию [20, t. I, p. 267¹⁸⁻²⁰].

Опираясь на приведенные Пахимером данные, можно определенно предположить, что мятеж носил социальный, а не политический характер. Полагаем, что предводители восстания, которых Пахимер поименовал «более видными» [20, t. I, p. 29²⁴] и «вождями» [20, t. I, p. 263²²], организовали его с целью восполнения доходов, существенно ограниченных в результате реформы акритской службы. Материальный убыток мятежников в основном составили налоговые выплаты⁹. Кроме того, вследствие установления прямой военной и хозяйственной связи пограничников с фискализированными земельными участками ущерб был увеличен изъятиями существенной доли доходов, обеспеченной трофеями и грабежом неприятельской территории.

Состояние военной организации существенно изменилось под воздействием усилившейся в конце XIII в. тенденции децентрализации. Самостоятельность малоазийских прониаров стала благоприятным фактором роста злоупотреблений и воровства с их стороны. Согласно данным источников, в 70–80-е гг. XIII в. массовое распространение злоупотреблений и коррупции среди чиновников обусловили фактически постоянные невыплаты жалованья пограничникам [20, t. III, p. 235¹⁶⁻¹⁸]. Очевидно, что именно участвовавшие в неполучении денежного содержания стали причиной второго этапа реформы акритской службы.

Реорганизация службы пограничников была завершена в период правления Андроника II. Последний этап реформы был связан с акритскими формированиями, укомплектованными представителями оседлого земледельческого населения. Пограничники-крестьяне получали доход с земель, переданных им под возделывание на условиях, тождественных стратиотским [20, t. I, p. 259²⁴⁻²⁵].

Полагаем, что в описании второго этапа реформы Пахимер повествует о погранични-

ках, находившихся в военно-административном подчинении прониарам-командирам [20, t. III, p. 235¹⁶⁻¹⁹]. Согласно данным источника, прониары наделялись управленческими полномочиями на условии выделения на оплату воинской службы пограничников-стратиотов 10 % из прониарских доходов. При невозможности совершения указанных выплат прониары дополнительно взимали необходимую сумму с крестьян [20, t. III, p. 81¹³⁻¹⁵, 237¹⁻³].

Вполне очевидно, что боеспособность имперской армии на восточных рубежах обеспечивалась прониарами¹⁰, которые формировали отряды, укомплектованные пограничниками-стратиотами, и командовали ими. Такие стратиотские отряды, составлявшие фемные формирования Малой Азии, состояли, полагаем, из представителей обедневшего крестьянского населения, а также из более экономически обеспеченных крестьян, близких по статусу к «классическим» стратиотам.

Очевидно, материальная база пограничников была существенно ограничена сокращением владений Византии в результате турецкой экспансии. Восточные рубежи империи перманентно сдвигались, а приграничные акритско-стратиотские земли разорялись набегами противников. В итоге земельные участки пограничников уже не обеспечивали их службу. Именно это стало причиной перевода акритского экономически слабого населения в конце XIII в. в частичное экономическое подчинение прониарам и полное военно-административное повиновение им, в том числе декархам из акритов-стратиотов.

Наше понимание воинской пронии как института, основанного на праве взимания налогов, пожалованном василевсом держателю за организацию и командование формированиями из стратиотов, приписанных к казенной земле под прониарским управлением, подтверждается актовыми материалами. Согласно данным хрисовула Михаила VIII от сентября 1262 г. Патмосскому монастырю св. Апостола Иоанна Богослова, жители деревни Малахий как держатели наследственных земельных участков, записанных в кадастры, были обременены воинской службой и государственными податями. Также в хрисовуле указано, что малахиотам предоставлялась возможность выплачивать мртуру казне или прониару. Итак, подчерк-

нем, что малахиты-стратиоты, владевшие земельными участками на условии воинской службы, определенно находились под военно-командным и фискальным контролем прониара, получившего пожалование от императора [7, t. VI, n. 86, p. 212–214].

Таким образом, прониарам были переданы полномочия организационно-материального контроля над местными воинскими формированиями. Именно в этих условиях политика византийских василевсов была ориентирована на увеличение численности подразделений иноземцев-наемников, обеспеченное за счет ограничения расходов на содержание ромейских контингентов.

Упомянутая нами десятина, взыскиваемая с прониаров, явно имела экстраординарный характер. Можно предположить, что выявленные нами в источниках случаи свидетельствуют о стремлении компенсировать казенные расходы за счет воинов-прониаров, оплачивавших стратиотскую службу. Очевидной причиной применения такого механизма было невыполнение или ненадлежащее выполнение прониарами возложенной на них ответственности по обеспечению безопасности конкретной территории.

Пронии жаловались и наемникам-иноземцам, воинская служба которых делала невозможной самостоятельную обработку земель. Вместе с тем выделяемые императорами под прониарское попечение земли передавались наемникам в качестве жалованья с целью сократить расходы из государственной казны от прямых денежных выплат. Однако единичные упоминания в источниках наемнических проний явно свидетельствуют об их неординарности. Отметим, что наиболее известный случай связан с данными кодекса Лемвиотиссы, упоминающего наряду с константинопольскими магистанами и смирнской служилой знатью прониаров, происходивших из иноземной, франкской знати (очевидно – наемников, принятых на воинскую службу в империю)¹¹.

Еще одним фактором прониарского держания могла быть продолжительная воинская служба. Полагаем, что повествуя о мероприятиях, предпринятых Михаилом Палеологом при воцарении, Пахимер сообщает именно об этом аспекте прониарских функций. Обеспечи-

вая политическую поддержку, Михаил VIII пообещал воинам перевести их пронию и жалованье, которое они получали за службу, в статус «наследственных» [20, t. I, p. 131^{19–20}, p. 139^{7–8}]. Определенно, это обязательство не относилось к стратиотам – их держания и без того были наследственными, а иных средств, кроме дохода с земель, они не имели. Таким образом, упомянутое историком жалованье было предназначено либо наемникам-иноземцам, либо представителям командования¹².

Итак, можно сделать вывод о том, что прония не обязательно была связана с личной воинской службой. Однако в этой связи возникает следующий вопрос: в том случае, когда прониар не являлся военнослужащим, был ли он обязан предоставлять определенное число воинов? Материал «Морейской хроники» стал одним из основных аргументов положительного ответа на этот вопрос [5, с. 9].

Согласно данным источника, по заключенному между франками, новыми правителями Пелопоннеса, и представителями местной знати соглашению за последними сохранялись их пронию. Главным условием было предоставление воинов численностью, определенной еще во времена латинского правления [23, p. 112^{1644–1646}]. Отметим, что такие обязательства прониаров неоднократно фиксируются в источниках.

В двух грамотах периода правления Иоанна Ватаца (адресованных Лемвоскому монастырю) и в грамоте Михаила Палеолога Хиосскому монастырю Νέα μονή (апрель 1259 г.) описываются привилегии, заключающиеся в освобождении от обязанности предоставления копьеносцев и иных воинов [7, t. IV, p. 4, 21; 7, t. V, p. 11–13]. Кроме того, в двух простагмах, относящихся к Лемвоскому монастырю, вестиярит Стронгил Стипион осуждается за требование предоставления с монастырских земель копьеносцев¹³. В двух грамотах из материалов афонского монастыря содержится запрет требовать от монастырских владений «ἐξελάσεως τεζζῶν κονταράτων» [8, с. 12, 16].

В связи с вышеуказанным возникает вопрос: являлась ли упомянутая обязанность характерной исключительно для прониарских земель или же она распространялась на более широкий круг земельных владений?

Анализ приведенных источников не представляет возможным отнести монастырские владения к разряду прониарских. Известно, что земли монастырей пополнялись за счет пожалований того или иного императора, равно как и пронии. При этом часть земель переходила к монастырям через дарения, завещания и покупку от иных, частных лиц. Очевидно, что положение об исключительно прониарском источнике обязанностей предоставления воинов от монастырских земель должно было быть отражено документально. Освобождение в данных источниках монастырей от рекрутской повинности не определяется характером владений, будь они дарованы императорами или же приобретены иным путем, что со всей очевидностью лишает какой-либо связи «воинскую повинность» с правовым статусом земель. Можно предположить, что обязанность предоставлять воинов возлагалась на землевладение, а не на прониара. Следовательно, прониарство не было поставлено в особую зависимость от воинской службы, прониар же был обязан повинностью не как *прониар*, а как *получатель налоговой квоты с земли*.

Обязанность выставлять воинский контингент, возложенная на земельные владения, имеет длительную традицию. Подобные обязанности фиксируются и в источниках палеологовского времени. Однако анализ имеющихся данных не позволяет детально раскрыть отдельные аспекты этого вопроса. Так, не вполне ясно, кто и каким образом организовывал обязательные сборы. Вероятно, провинции были разделены на отдельные участки (возможно, имеющие отношение к общинам), в каждом из которых сборы были организованы чиновниками, в то время как население принимало решение об участниках ополчения. Хрисовул Андроника II от февраля 1319 г., по которому жители Янины не могли быть привлечены к воинской службе вне города¹⁴, свидетельствует о том, что воинская повинность могла быть снята с общины при особом высочайшем благоволении.

Как указывалось ранее, прониары получали от верховной власти определенные полномочия. Вполне вероятно, что предоставление прониарами, приравненными по своим полномочиям к чиновникам, определенного числа воинов с их владений, являлось фактом

представительства населения земель, переданных им под управление правительством. Отсутствие же упоминаний в византийских источниках о рекрутской повинности, возложенной на пронии, как специфической характеристики, объясняется тем, что она не являлась сутью прониарства, а была привнесена как функция власти наряду с пожалованным посотисом.

В тех случаях, когда между населением и императорской властью не было «прониарского посредничества», она организовывала сборы и вооружение контингентов через местные органы. Отметим, что, по мнению ряда исследователей, то обстоятельство, что прония представляла собой попечение, связанное с управленческими функциями (икономия) по отношению к населенной зависимыми крестьянами территории, привело на практике к тому, что прония эволюционировала по пути превращения в институт типа бенефиция, а затем и лена [1, с. 99, прим. 171; 3, с. 124–127; 6, с. 22; 18, р. 11].

Определенные трудности в исследовании византийского института пронии могут вносить упоминания этого понятия под различными лексемами, а самого термина в иных значениях. Так, например, Скутариот, повествуя о правлении Иоанна Ватаца, упоминает о представителях τῶν στρατιωτικῶν καταλόγων, доход которых формировался за счет собственных проний [24, р. 285¹⁹]. Вместе с тем, по сообщению Кантакузина, после смерти Андроника III большая часть воинов потеряла всякую заинтересованность в воинской службе ввиду тяжелого материального положения, по причине чего новое правительство было вынуждено дополнить недостающие им пронии [11, vol. 2, р. 58^{19–22}]. Поскольку пронию как форму жалованья, выраженную в налоговой квоте, ее держатель или получатель не мог увеличить, уменьшить или сделать непригодной, полагаем, что в приведенных сюжетах речь идет о конкретных воинских владениях, а не о прониях.

Думается, что термин «икономия» в некоторых источниках применялся в значении одной из функций пронии и обозначал управление¹⁵. В этой связи представляет интерес пассаж об отправке в Анатолию полководца Иоанна Тарханиота.

Прибытие на восток в 1298 г.¹⁶ Тарханиота во главе немногочисленного войска, выделенного императором [20, t. III, p. 285^{19–20}]¹⁷, не было ознаменовано победами византийской армии над турками. В его задачу входило установление административного порядка и реорганизация податной системы и системы материального обеспечения в этом регионе с целью усиления обороноспособности восточных границ. Следуя тексту Пахимера, первоочередным мероприятием было уравнивание владений воинов и перераспределение свободных земельных участков [20, t. III, p. 285^{22–26}]¹⁸.

Византийский историк сообщает, что многие, подкупая местных правителей, могли, присовокупив к своим владениям другие территории, заниматься земледелием, а не воинской службой [20, t. III, p. 285^{22–26}]. В то же время прочие были настолько бедны, что не могли участвовать в сражениях. В результате предпринятых мероприятий Тарханиоту удалось не только улучшить материальное положение так называемых пограничных «прониаров», но и построить немногочисленный флот [20, t. III, p. 285^{31–33}]¹⁹. Полагаем, что вполне традиционные административные и фискальные акции Тарханиота, а также характер пронии, представлявшей собой индивидуальное императорское пожалование, позволяют предположить, что в данном пассаже историк сообщает не о прониарах, а, скорее, о стратиотах.

Возвращаясь к проблеме терминологической неопределенности, подчеркнем, что, по мнению М. Бартусиса, прония упоминается в значении воинского пожалования в период конца XI – начала XII в. [9, p. 212]²⁰. В этой связи возникает вопрос: означает ли, что последующее применение термина «прония» в палеологовскую эпоху всецело заменило *τότο* *στρατιωτικῆ* или *στρατιωτικῆ* *κτημάτων* в юридическом смысле?

Определенные коррективы при рассмотрении обозначенной проблемы наряду с характерной для византийской литературы терминологической и смысловой архаизацией вносит и активное применение риторики. Терминологическая неточность документов, по мнению К.В. Хвостовой, в большей мере вызвана процессами приватизации функций управления [6, с. 19, 21] и, как мы полагаем, обо-

стрием внешней опасности, приведшей к необходимости передачи территорий на условии обеспечения безопасности.

В то же время в некоторых документах терминологическое различие двух групп военнослужащих представляется вполне определенным. Так, «Дарственная грамота Михаила Гаврилопуло жителям крепости Фанари» от 1295 г. сообщает нам о четком правовом и воинском различии стратиотов и прониаров. В грамоте прониар Михаил Гаврилопул гарантирует фанариотам-стратиотам, состоявшим на воинской стратиотской службе, сохранение их владений и неизменности их воинских обязанностей, к которым не прибавятся обязанности цаконцев [7, t. V, p. 260].

Характеризуя положение отдельных категорий воинства, Кантакузин, например, употребляет не вполне ясно выражающие смысл фразы «те, каждый из которых получал выделенные от императора средства на содержание»²¹, «те, кто имел доходы от земли»²². Исходя из анализа этих пассажей, можно предположить, что те, о ком идет речь, вполне могли быть стратиотами, а также прониарами или наемниками. Тем не менее довольно часто встречаются и более ясные выражения.

Так, Пахимер, в одном из сюжетов сообщая о разоренных самими же малоазийскими воинами прониях, дополняет, что император Андроник II предпринял меры по распределению среди воинов запустевших проний чиновников (императорских служащих) и церковей [20, t. IV, p. 425^{24–26}]. Также историк указал, что земельные участки должны быть распределены по системе одиночных дворов (единичных дворов) [20, t. IV, p. 425^{26–27}]²³. Это означает, что каждый воин получал землю в сельской местности. Таким образом, полагаем, что в приведенных пассажах повествуется не о пронии с подчиненными париками, а об обычном воинском владении.

В ряде случаев встречаются сообщения современников о необходимости проведения новых распределений земель и их ревизий [11, vol. 1, p. 169^{16–19}; vol. 2, p. 62^{11–13}] вследствие неспособности владельцев восполнять собственные расходы за счет разоренных проний. В этой связи хотелось бы напомнить о том, что масштабы некоторых проний были столь ве-

лики, что доход от них не мог не восполнять понесенные их владельцами убытки. Приведенные выше данные подтверждают факт существования в поздневизантийскую эпоху института воинских владений. Обозначение же последних как проний, следовательно, не означало изменения их правового статуса.

Вполне вероятно, что тенденция замены терминов была вызвана частичной тождественностью *внешних признаков* института пронии и воинских владений. И те, и другие были пожалованы императором в результате выполнения определенных обязательств или несения службы, а также носили условный характер. Эти аналогии способствовали распространению термина «икономия», изначально означавшего воинские владения, а позднее пронии. Очевидно, что экономический, политический и этносоциальный кризис оказали непосредственное воздействие на изменение военной организации.

Официальная власть, стремившаяся сохранить прежние экономико-политические институты, предпринимала попытки модернизации военной системы. Образцом этих мероприятий, как кажется, во многом были воинские институты латинского запада. Об этом свидетельствует «Морейская хроника» [23, р. 570⁸⁷⁹¹⁻⁸⁷⁹³], а также данные византийских историков. Так, например, в одном из ключевых периодов Каталонской кампании, как сообщает Пахимер, император Андроник II предложил наемникам управлять малоазийским регионом Византии в соответствии с латинской традицией [20, t. IV, р. 563⁸⁻¹⁰]²⁴. Следует также подчеркнуть, что адресация этого предложения латинянам, а не византийцам могла быть обусловлена не системой феодальных владений, присущих государствам первых, а скорее традиционализмом вторых.

Вполне вероятно, что такие мероприятия могли оказать влияние на сглаживание терминологических различий между разнородными формами воинского владения в восприятии византийцев-современников.

Итак, анализ военных функций пронии позволил выявить ее несистемное место в социально-экономической и политической сфере, но вполне определенное функциональное назначение в военной организации. Выявлено, что прония не была связана в неперменном порядке с

военной организацией: оказание вооруженной помощи не носило обязательного характера, а с воинской службой в большинстве случаев прония не имела ничего общего.

Вместе с тем конкретные случаи пожалования позволяют признать прониарство как военно-политический институт, связанный исключительно с представителями командования. Наделение прониями служило заменой традиционного вознаграждения военачальников знатного происхождения. В то же время выявленная в ряде случаев рекрутская повинность выражала функцию власти, пожалованную прониарам наряду с налоговой квотой.

Держателями проний являлись не только ромеи-военачальники, но и наемники. Подобные пожалования позволяли сократить расходы императорской казны по прямым денежным выплатам.

В случае с ромеями-прониарами, опираясь на размер посотиса, следует признать, что пронии предназначались для наделения ими представителей командного состава разных уровней. В частности, пронии могли передаваться и низшему командному составу – декархам из числа стратиотов. В таком случае они жаловались в качестве вознаграждения или средства восполнения убытков, понесенных в результате исполнения служебных обязательств.

Жалование «малых проний» не наделяло держателя какими-либо публично-правовыми функциями. В военно-организационном отношении сущность таких проний заключалась в наделении держателя определенными командными и военно-административными функциями с целью обеспечения строгой военно-иерархической системы на низшем уровне, а также укрепления контроля над отдаленными от Константинополя боевыми соединениями.

После реорганизации акритской службы прониары были определены к организации погранично-стратиотских отрядов и их службы, к выплатам им жалования из собственных доходов. Безопасность восточных рубежей империи зависела от прониарской военно-административной службы. Акриты в конце XIII в. были переведены в частичное экономическое подчинение и полное военно-административное повиновение прониарам.

Место института пронии в боевой практике раннепалеологовского периода представляется невозможным практически. Актуальное состояние источниковой базы не позволяет провести исчисления по проблеме соотношения численности стратиотских и прониарских контингентов, а также количественного соотношения одержанных ими побед и поражений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Окончание. Часть 1 см. № 3 (33), 2015 г.
² О нем см.: [21, № 30346].
³ В этой связи характерно обозначение акритов Пахимером – «οἱ κατὰ τῆς Νικαίας ἄκρας χωρῖται, ἀγρόται μὲν ὄντες καὶ γεωργίᾳ προσέχοντες» [20, t. I, p. 259²⁴⁻²⁵].
⁴ Изложенный тезис подтверждается мнением П. Мутафчиева [2, с. 18].
⁵ Аналогичные изменения в системе обязательной службы наблюдаются в этот период и в ряде западноевропейских государств.
⁶ Подобным образом описывает ситуацию Григора [16, vol. 1, p. 138¹⁰⁻¹²]. Данные источников указывают, что система выплаты жалованья акритам, характерная для Никейской империи, существовала и в предшествующие эпохи. См.: [14, ch. 19, sec. 4¹⁻²].
⁷ Здесь следует отметить, что, по мнению Н. Иконоmidиса, сославшегося на известный нам сюжет работы Пахимера, в котором историк сообщает о реформе Ходина, руга акритов была заменена посотисом [17, p. 1044].
⁸ В этой связи следует отметить, что согласно указу Михаила Палеолога верховным собственником земли, отданной в пронию, названо государство [7, t. IV, n. 96, p. 173]. Г.А. Острогорский полагал, что крестьяне, платящие ренту прониару, остаются государственными крестьянами [19, p. 36–43].
⁹ Об этом, в частности, свидетельствуют обещания, данные военачальниками имперского войска акритам, о переселении их в те земли, которые они сами выберут [20, t. I, p. 265¹⁻²].
¹⁰ В этой связи следует признать верность предположений В.А. Сметанина и М. Бартусиса о создании в ходе акритской реформы прониарских отрядов лишь применительно ко второму этапу реформ службы пограничников [4, с. 117, 122; 10, p. 55–56].
¹¹ Документы кодекса говорят о двух таких войнах – Сиргарисе и Сире Николасе Адаме [7, t. IV, p. 31; 7, t. IV, p. 91–92]. С. Кириакидис отметил еще четыре аналогичных случая пожалования наемникам-латинянам проний [12, p. 144–147].

¹² О распределениях земель наемникам, помимо упомянутых выше и куманам, также указывается в «Истории» Кантакузина относительно периода правления Андроника III. «τοῦ μέντοι μισθοφορικοῦ τῆς στρατιᾶς τῶν μισθῶν αὐξήσας, παρέσχον καὶ γῆς ἐκάστῳ πλέθρα χρυσίῳν δέκα»: [11, vol. 1, p. 164²²⁻²³]. Очевидно, что в этом пассаже сообщается о несколько меньших прониях, при этом предполагалось, что обработка их будет возложена на самих воинов.

¹³ «καὶ διορίζεται σοι ἡ βασιλεία μου, ὡς ἂν μηδὲν ἐξελάσῃς ἀπὸ τῶν κτημάτων τῆς τοιαύτης μονῆς κονταράτους»: [7, t. IV, p. 251].

¹⁴ «ἔτι ἵνα αὐτοὶ οἱ καστρηνοὶ Ἰωαννινῶται οὐδὲν καταναγκάζονται οὐδὲ καθέλκωνται, ἵνα ἐκδουλεύσωσι στρατιωτικῶς ἐκτὸς τῆς τοιαύτης πόλεως»: [7, t. V, p. 81].

¹⁵ Так, в грамоте Андроника II Янине упомянуты воины (стратиоты), имевшие икономии [7, t. V, p. 81].

¹⁶ Сопоставляя датировки писем патриарха Афанасия, соответствующие приведенным событиям, А. Лайу датирует начало миссии Тарханиота сентябрем 1298 г. [13, p. 87, № 4].

¹⁷ Авторы PLP в статье, посвященной Тарханиоту, указали, что полководец был направлен против армии Османа [21, № 27487]. Это предположение кажется сомнительным не только исходя из известных нам целей похода, определенных исключительно финансовыми интересами империи, но более поздним появлением турецких отрядов под предводительством Османа.

¹⁸ Как отмечает М. Бартусис, до приезда Филанфропина в Константинополь поступала информация о том, что на востоке империи некоторые воины были недееспособны вследствие потери или уменьшения икономий / проний [10, p. 75]. Очевидно, по рассматриваемому событию в своих рассуждениях М. Бартусис всецело следовал предположениям А. Лайу, выстроенных на интерполяции сущности экскусии применительно к институту пронии [13, p. 87–88].

¹⁹ Здесь следует отметить, что в одном из пассажей труда Пахимера историк со всей очевидностью сообщает об обеспечении обороны морских владений империи силами прониаров. В частности, Пахимер отмечает, что в начале XIV в. Цаккарии, просившему василевса обеспечить безопасность Фокеи, Андроник II предложил выбор – либо направить прониарский доход в казну для найма флота, либо оставить эти налоги у прониара, обязав его самостоятельно нанять и содержать флот [20, t. IV, p. 609¹³⁻²²]. Цаккария выбрал последний способ [20, t. IV, p. 609].

²⁰ Вместе с тем следует заметить, что в специальном обобщающем исследовании Г. Острогор-

ского прония прослеживается на протяжении всей византийской истории и трактуется как временное и условное владение землей. См.: [3].

²¹ «τὰς παρὰ βασιλέως ἐκάστῳ τεταγμένας χορηγίας ἀκεραίουσ εἶναι» [11, vol. 2, p. 58¹⁷⁻¹⁸].

²² «τοῖς δ' ἄλλοις, ὅσοι ἐκ χωρίων τὰς προσόδους εἶχον»: [11, vol. 2, p. 175⁵⁻⁶].

²³ Воины, которым предполагалось раздать земли, были теми, о ком Пахимер несколько выше повествовал, что они «ἐξησθένουν, ἀλλὰ καί, οἰκίας καὶ προνοίας ἀπολωλεκότες»: [20, t. IV, p. 425¹⁵⁻¹⁶].

²⁴ Также, об этом сообщает Рамон Мунтанер [15, chap. CCXII, p. 432].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Максимовић, Л. Византијска провинцијска управа у доба Палеолога / Л. Максимовић. – Београд : Византолошки институт Српске академије наука и уметности, 1972. – XIX, 199 с.

2. Мутафчиев, П. Войнишки земи и войници в Византия през XIII–XIV в. / П. Мутафчиев // Списание на Българска Академия на науките. – София : Бълг. акад. на науките, 1923. – Вып. 27. – С. 1–113.

3. Острогорский, Г. А. Пронија. Прилог историји феудализма у Византији и у јужнославянским земљама / Г. А. Острогорский. – Београд : Српска академија наука, 1951. – VIII, 200 с.

4. Сметанин, В. А. Расходы Византии на армию и флот (1282–1453) / В. А. Сметанин // Античная древность и средние века. – Свердловск, 1975. – Вып. 12. – С. 117–125.

5. Успенский, Ф. И. Значение византийской и южнославянской пронии / Ф. И. Успенский // Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1883. – С. 1–32.

6. Хвостова, К. В. Прония: социально-экономические и правовые отношения / К. В. Хвостова / Византийский временник. – М. : Наука, 1988. – Т. 49. – С. 13–23.

7. Acta et diplomata graeca medii aevi / ed. F. Miklosich et J. Müller. – Т. III. – Vindobonae : C. Gerold, 1865. – 394 p. ; Т. IV. – Vindobonae : C. Gerold, 1871. – 442 p. ; Т. V. – Vindobonae : C. Gerold, 1887. – 480 p. ; Т. VI. – Vindobonae : C. Gerold, 1890. – 452 p.

8. Actes de l'Аthos. VI. Actes de Philotée / publ. par W. Regel, E. Kurtz, B. Korabiev // Византийский временник. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1913. – Т. XX. Приложение. – IV, 50 с.

9. Bartusis, M. C. Land and privilege in Byzantium: The institution of pronoia / M. C. Bartusis. – N. Y. : Cambridge University Press, 2012. – XLIV, 697 p.

10. Bartusis, M. C. The late Byzantine army: arms and society, 1204–1453 / M. C. Bartusis. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1992. – XVII, 438 p.

11. Ioannes Cantacuzenus. Historiae : 3 vols. / Ioannes Cantacuzenus / ed. L. Schopen. – Vol. 1. – Bonn : Weber, 1828. – 560 p. ; Vol. 2. – Bonn : Weber, 1831. – 615 p. ; Vol. 3. – Bonn : Weber, 1832. – 365 p.

12. Kyriakidis, S. Crusaders and mercenaries: the west-European soldiers of the Laskarids of Nicaea (1204–1258) / S. Kyriakidis // Mediterranean Historical Review. – 2014. – Vol. 29, № 2. – P. 139–153.

13. Laiou, A. Constantinople and the Latins; the foreign policy of Andronicus II, 1282–1328 / A. Laiou. – Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1972. – XII, 390 p.

14. Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969) / texte établi par Gilbert Dagron et Haralambie Mihaescu ; traduction et commentaire par G. Dagron ; appendice Les Phocas par J.-C. Cheynet. – Paris : Editions du Centre national de la recherche scientifique, 1986. – 358 p.

15. Muntaner, R. Chronica o discripcio fets e hazanyes dell incliyt rey Don Jaume. Expedition de Romanie / R. Muntaner // Chroniques étrangères relatives aux expéditions françaises pendant le XIIIe siècle / publiées pour la première fois, érudicées et traduites par J. A. C. Buchon. – Paris : A. Desrez, 1840. – Chap. CXCIX–CCXLIV. – P. 414–482.

16. Nicephorus Gregoras. Historia Romana : 3 vols. / Nicephorus Gregoras / ed. L. Schopen and I. Bekker. – Vol. 1. – Bonn : Weber, 1829. – 568 p. ; Vol. 2. – Bonn : Weber, 1830. – P. 571–1146 ; Vol. 3. – Bonn : Weber, 1855. – 567 p.

17. Oikonomidès, N. The Role of the Byzantine State in the Economy / N. Oikonomidès // The economic history of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century : 3 vols. / edit.-in-chief A. E. Laiou. – Washington : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002. – Vol. 3. – P. 973–1058.

18. Ostrogorsky, G. Observations on the Aristocracy in Byzantium / G. Ostrogorsky // Dumbarton Oaks Papers. – Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1971. – Vol. 25. – P. 1–32.

19. Ostrogorsky, G. Quelques problemes d'histoire de la paysannerie Byzantine / G. Ostrogorsky. – Bruxelles : Éditions de «Byzantion», 1956. – 80 p.

20. Pachymérès, Georges. Relations historiques / Georges Pachymérès. – T. I : Livres I–III / éd. par A. Failler ; trad. par V. Laurent. – P. : Société d'Édition «Les belles lettres», 1984. – 325 p. ; T. II : Livres IV–VI / éd. par A. Failler ; trad. par V. Laurent. – P. : Société d'Édition «Les belles lettres», 1984. – P. 328–667 ; T. III : Livres VII–IX / éd. et trad. par A. Failler. – P. : Institut français d'études byzantines, 1999. – 305 p. ; T. IV :

Livres X–XIII / éd. et trad. par A. Failler. – P. : Institut français d'études byzantines, 1999. – P. 306–727.

21. Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / E. Trapp, H.-V. Beyer, S. Kaplaneres, I. Leontiadis. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1991. – T. 11. – 249 p.

22. Pseudo-Kodinos. Traite des offices / Pseudo-Kodinos ; introd., texte et trad. par Jean Verpeaux. – Paris : Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1966. – 420 p.

23. The Chronicle of Morea. Τό Χρονικὸν τοῦ Μορέως / ed. in parall. texts from the mss. of Copenhagen and Paris, with introd., crit. notes and indices by John Schmitt. – London : Methuen & Co., 1904. – XCII, 640 p.

24. Theodorus Scutariota. Historia. Additamenta ad Georgii Acropolitae historiam / ed. A. Heisenberg // Georgii Acropolitae. Opera : 2 vol. / rec. A. Heisenberg. – Lipsiae : In aedibus B. G. Teubneri, 1903. – Vol. 1 : Continens Historiam, Breviarium historiae, Theodori Scutariotae Additamenta. – P. 275–302.

REFERENCES

1. Maksimoviĥ L. *Byzantine Provincial Administration in the Era of Palaeologus*. Beograd, Vizantoloshki institut Srpske akademije nauka i umetnosti, 1972, vol. XIX. 199 p. (in Serbian).

2. Mutafchiev P. Military Lands and Soldiers in the Byzantine Empire During the 18-19th Centuries. *Journal of the Bulgarian Academy of Sciences*, 1923, iss. 27, pp. 1-113. (in Bulgarian).

3. Ostrogorskiy G.A. *Pronoia. Contribution to the History of Feudalism in Byzantium and in South Slavic Countries*. Beograd, Srpska akademija nauka, 1951, vol. VIII. 200 p. (in Serbian).

4. Smetanin V.A. Raskhody Vizantii na armiyu i flot (1282–1453) [The Expenses of Byzantium on the Army and Navy (1282-1453)]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Ancient Times and Middle Ages]. Sverdlovsk, 1975, iss. 12, pp. 117-125.

5. Uspenskiy F.I. Znachenie vizantiyskoy i yuzhnoslavianskoy pronii [The Value of the Byzantine and South Slavic Pronoia]. *Sbornik statey po slavyanovedeniyu, sostavlennyy i izdannyy uchenikami V.I. Lamanskogo po sluchayu 25-letiya ego uchenoy i professorskoy deyatel'nosti* [Collected Articles on Slavonic Studies, Compiled and Published by the Students of V.I. Lamansky on the Occasion of the 25th Anniversary of His Scientific and Professorial Activity]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1883, pp. 1-32.

6. Kvostova K.V. Proniya: sotsialno-ekonomicheskie i pravovye otnosheniya [Pronoia:

Socio-Economic and Legal Relations]. *Vizantiyskiy vremennik*, 1988, vol. 49, pp. 13-23.

7. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi* [The Journal of Greek Diplomats and Middle Ages]. Vindobonae, C. Gerold, 1865, vol. III. 394 p.; 1871, vol. IV. 442 p.; 1887, vol. V. 480 p.; 1890, vol. VI. 452 p.

8. Regel W., Kurtz E., Korablev B., eds. Actes de l'Athos. VI. Actes de Philotée [Acts of Athos. VI. Acts of Philotée]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine Chronicle]. Saint Petersburg, 1913, vol. 20, Appendix 4. 50 p.

9. Bartusis M.C. *Land and Privilege in Byzantium: The Institution of Pronoia*. New York, Cambridge University Press, 2012, vol. XLIV. 697 p.

10. Bartusis M.C. *The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204-1453*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1992, vol. XVII. 438 p.

11. Ioannes Cantacuzenus. *Historiae: in 3 vols*. Bonn, Weber, 1828, vol. 1, 560 p.; 1831, vol. 2. 615 p.; 1832, vol. 3. 365 p.

12. Kyriakidis S. Crusaders and Mercenaries: the West-European Soldiers of the Laskarids of Nicaea (1204-1258). *Mediterranean Historical Review*, 2014, vol. 29, no. 2, pp. 139-153.

13. Laiou A. *Constantinople and the Latins; the Foreign Policy of Andronicus II, 1282-1328*. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1972, vol. XII. 390 p.

14. Dagron G., Mihaescu H., eds. *Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963-969)* [The Treaty on the Guerrillas (De velitatione) of Emperor Nikiforos Fokas (963-969)]. Paris, Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1986. 358 p.

15. Muntaner R. Expédition de Romanie. Buchon J.A.C., ed. *Chroniques étrangères relatives aux expéditions françaises pendant le XIIIe siècle*. Paris, A. Desrez, 1840, pp. 414-482.

16. Nicephorus Gregoras. *Historia Romana: in 3 vols*. Bonn, Weber, 1829, vol. 1. 568 p.; 1830, vol. 2, pp. 571-1146; 1855, vol. 3. 567 p.

17. Oikonomidès N. The Role of the Byzantine State in the Economy. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century: in 3 vols*. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002, vol. 3, pp. 973-1058.

18. Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy in Byzantium. *Dumbarton Oaks Papers*, 1971, vol. 25, pp. 1-32.

19. Ostrogorsky G. *Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie Byzantine* [Some Problems of History of the Byzantine Peasantry]. Bruxelles, Byzantion, 1956. 80 p.

20. Pachymérès G. *Relationes historiquae* [Historical Relations]. Paris, Les belles lettres, 1984, vol. I: Books I-III. 325 p.; vol. II: Books IV-VI, pp. 328-667; 1999, vol. III: Books VII-IX. 305 p.; vol. IV: Books X-XIII, pp. 306-727.

21. Trapp E., Beyer H.-V., Leontiadis I., eds. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*. Wien, Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1994, vol. 12. 6626 p.

22. Pseudo-Kodinos. *Traite des offices. Introduction* [Trafficking in Offices. Introduction].

Paris, Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1966. 420 p.

23. Schmitt J., ed. *Τό Χρονικὸν τοῦ Μορέως* [The Chronicle of Morea]. London, Methuen & Co., 1904, vol. XCII. 640 p.

24. Heisenberg A., ed. Theodorus Scutariota. *Historia. Additamenta ad Georgii Acropolitae historiam. Georgii Acropolitae. Opera: in 2 vols. Vol. 1: Continens Historiam, Breviarium historiae, Theodori Scutariotae Additamenta*. Lipsiae, B.G. Teubneri, 1903, pp. 275-302.